

Ледоход. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Ледоход. Максим Горький

На реке, против города, семеро плотников спешно чинили ледорез, ободранный за зиму слободскими мещанами на топливо.

Весна запоздала в том году – юный молодец Март смотрел Октябрем; лишь около полуден – да и то не каждый день – в небе, затканном тучами, являлось белое – по-зимнему – солнце и ныряло в голубых проталинах между туч, поглядывая на землю неприветливо и косо.

Уже была пятница страстной недели, а капель к ночи намерзала синими сосульками в пол-аршина длиною; лед на реке, оголенной от снега, тоже был синеватый, как зимние облака.

Работали плотники – а в городе печально и призывно пела медь колоколов. Головы рабочих поднимались вверх, глаза задумчиво тонули в сероватой мгле, обнявшей город, и часто топор, занесенный для удара, нерешительно, на секунду останавливался в воздухе, точно боясь разрубить ласковый звон.

Там и тут на широкой полосе реки криво торчали сосновые ветви, обозначая дороги, полыньи и трещины во льду; они поднимались вверх, точно руки утопающего, изломанные судорогами.

Томительной скукой веет от реки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежит безотрадно прямою дорогой во мглистую область, откуда уныло и лениво дышит сырой, холодный ветер.

...Староста Осип, чистенький и складный мужичок, с правильной серебряной бородкой, аккуратно завитой в мелкие кольца на розовых щеках и гибкой шее, – всегда и всюду заметный, староста Осип покрикивает:

– Шевелись поживей, курицыны дети!

И обращается ко мне, насмешливо внушая:

– Наблюдающий, – ты чего в небе ковыряешь тупым твоим носом? Ты для какого дела приставлен, спросить тебя? Ты – от подрядчика, от Василь Сергеича? Стало быть – подбавит тебе наяривать нас – работай живо, такой-сякой народ! Вот для какого подвигу ты налажен, а ты – на свое дело моргаешь, дите мое, горький сухостой! Моргать тебе не положено, ты гляди в оба да покрикивай, коли тебя вроде десятника до нас приспособили... ты команду, кукушкино яичко!

Он снова кричит на ребят:

– Не зевай! Лешие, – надобно сегодня конец делу положить, али нет?

Сам он – первейший лентяй артели. Превосходно знает свое дело, умеет работать ловко, споро, со вкусом и увлечением, но – не любит утруждать себя и постоянно рассказывает волшебные истории. Как раз в разгар работы, когда люди вопьются в нее и работают молча, сосредоточенно, вдруг плененные желанием сделать всё ладно и гладко, – Осип заводит журчащим голоском:

– А вот, братцы мои, был случай...

Две-три минуты люди как будто не слушают его, самозабвенно тешут, строгают, рубят, а мягонький тенорок мечтательно течет и вьется, опутывая, связывая внимание людей. Голубые ясные глаза Осипа сладко прищурены, он покручивает пальцами курчавую бородку и, чмокая от удовольствия, нижеет слово за словом...

– Поймал он этого линя, положил в пещер, идет лесом – думает: "А и будет же уха у меня..." Только вдруг – не знай откуда – кричит голос женской, тонкой: "Елеся-а, Елеся-а..."

Длинный костлявый мордвин Ленька, по прозвищу Народец, – молодой парень с маленькими изумленными глазками, – опустил топор и стоит, открыв рот.

- А из пещера отвечают бацищем, густо: "Зде-ся-а!.." И в тую самую минуту крышка с пещера - хло-бысь, льнь оттедова - прыг и пошел, пошел назад, в омут свой...

Старик-солдат Санявин, угрюмый пьяница, страдающий одышкой и давно чем-то обиженный на всю жизнь, хрипит:

- Как это он, льнь, пошел посуху, ежели он - рыба?

- А говорить рыбе назначено? - ласковенько спрашивает Осип.

Мокей Будырин, мужик серый, с собачьим лицом - скулы и челюсти выдвинуты вперед, а лоб запрокинут, - человек молчаливый и неприметный, не торопясь, выпускает через нос три любимые свои слова:

- Это совсем верно...

Каждый раз, когда рассказывают что-нибудь чудесное, страшное, грязное или злое, - он негромко, но непоколебимо уверенно отзывается:

- Это совсем верно...

И словно трижды бьет меня в грудь жестким тяжелым кулаком.

Работа встала, потому что Яков Боев, косноязычный и кособокий, тоже хочет рассказать что-то рыбье и уже начал, но ему никто не верит, смеются над его измятой речью; он - божится, ругается, сердито сует долотом в воздух и, захлебываясь злой слюною, кричит, на смех всем:

- Один - чего ни ври - принимают, а как я вам - правду, - ржете, галманы, пострели вас в душу...

Все бросили работу и шумят, размахивая пустыми руками; тогда - Осип снимает шапку, обнажая благообразную серебряную голову, с плешью на темени, и строго кричит:

- Будя, эй! Позвонили, отдохнули, и - ладно!

- Сам завел, - хрипит солдат, поплеывая на ладони.

Осип пристает ко мне:

- Наблюдающий-и...

Мне кажется, что он сбивает людей с работы своими россказнями, имея какую-то цель, но я не понимаю - хочет ли он болтовней прикрыть свою лень или дать людям отдых? Перед подрядчиком Осип держится льстиво, низкопоклонно, - "ломает дурака" перед ним и каждую субботу умеет выклянчить у него "на чайшко" для артели.

Вообще он человек "артельный", но старики его не любят, считают шутом, бездельником и относятся к нему неуважительно, да и молодежь, любя слушать его болтовню, смотрит на него несерьезно, с недоверием, плохо скрытым и часто злым.

Мордвин, парень грамотный, с которым я говорю иногда "по душам", однажды, на мой вопрос - что за человек Осип, сказал, усмехаясь:

- Не знай... пес его знает... так себе - ничего...

И, подумав, добавил:

- Михайло, который помер, резкий был мужик, умный, - так он раз лаялся с им, с Осипом-то, да и говорит: "Али, говорит, ты человек? Работник в тебе подох, а хозяин - не родился, так, говорит, ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, как забытый отвес на нитке"... Вот это, поди-ка, верно про него...

И еще подумав, мордвин беспокойно договорил:

- А так он ничего, добрый человек...

У меня глупейшая позиция среди этих людей: пятнадцатилетний парень, я приставлен подрядчиком – записывать расход материала, следить, чтобы плотники не воровали гвоздей, не таскали в кабак досок. Гвозди они воруют, нимало не стесняясь моим присутствием, и все усердно показывают мне, что я на работе среди них – человек лишний, неприятный и если кому-нибудь представляется случай незаметно задеть меня доскою или иным способом причинить мне маленькую обиду – они это делают очень умело

Мне с ними неловко, стыдно; я хочу сказать им что-то, что помирило бы их со мною, но не нахожу нужных слов, и меня давит угрюмое чувство моей ненужности.

Каждый раз, когда я записываю в книжку количество взятого материала, Осип, не торопясь, подходит и спрашивает:

– Нарисовал? Ну-ось, покажь...

Смотрит на запись прищуря глаза и говорит неопределенно:

– Мелко пишешь...

Он умеет читать только по печатному, пишет тоже печатными буквами церковного устава – гражданская пропись непонятна ему.

– Это – корытцем-то – какое слово?

– Добро.

– Добро-о! Ишь петля какая... А что написано строкой этой?

– Досок верхковых, девятиаршинных, пять.

– Шесть.

– Пять.

– Как же пять? Вот, солдат перерезал одну...

– Это он напрасно, надобности не было...

– Как же не было? Он половинку в кабак снес...

Спокойно глядя в лицо мне голубыми, как васильки, глазами, с веселой усмешечкою в них, он навивает на палец колечки бороды и неотразимо бесстыдно говорит:

– Рисуешь шесть, право! Ты гляди, кукушкино яичко, – мокро, холодно, работенка тяжелая – надобно людям побаловать душеньку, винцом-то ее обогреть? Ты – не строжись, бога строгостью не подкупишь...

Говорит он долго, ласково, кудреватое, слова сыплются на меня, точно опилки, я как бы внутренне слепну и молча показываю ему переправленную цифру.

– Ну вот – это верно! И цифра – красивше, вон какой купчихой сидит, пузатенька, добренька...

Я вижу, как победоносно он рассказывает плотникам о своем успехе, знаю, что они все презирают меня за уступчивость, мое пятнадцатилетнее сердце обиженно плачет, а в голове вертятся скучные, серые мысли:

"Всё это странно и глупо. Почему он уверен, что я снова не переправлю 6 на 5 и не скажу подрядчику, что они пропилили доску?"

Однажды они украли два фунта пятивершковых костылей и железные скобы.

– Слушай, – предупредил я Осипа, – я это запишу!

– Вали! – согласился он, играя седыми бровями. – Что, в сам-деле, за баловство? Вали, рисуешь их, маминых детей...

И закричал ребятам:

- Эй, шалыганы, костыли и скобы на штраф вам записаны!..

Солдат угрюмо спросил:

- Почто?

- Проштрафились, стало быть,- спокойно пояснил Осип.

Плотники заворчали, косо поглядывая на меня, а у меня не было уверенности, что я сделаю то, чем пригрозил, а если сделаю - так это будет хорошо.

- Уйду от подрядчика,- сказал я Осипу,- ну вас всех к чертям! С вами вором станешь.

Осип подумал, погладил бороду, сел рядом со мною плечом и сказал тихонько:

- Это - правильно!

- Что?

- Надо уйти. Какой ты десятник, какой приказчик? В должностях этих надобно понимать, что есть имущество, собачий характер надобен тут, чтоб охранять хозяи-ново, как свою родную шкуру, мамино наследство... А ты для этого дела - молод пес, ты не чувствуешь, чего имущество требует. Если бы сказать Василь Сергеичу, как ты нам мирволишь,- он бы те в тую самую одну минуту по шее,- вполне решительно! Потому ты для него - не к доходу, а на расход, человек же должен служить доходно хозяину - понял?

Свернув папиросу, он дал ее мне.

- Покури, легче будет в мозге. Кабы у тебя, кран-даш, не такой совкий и спорный характер был - я бы тебе-тко сказал: иди в монахи! Ну,- характер у тебя для этого не подходящий, топорный характер, неотес ты в душе, ты, буде, и самому игумну не сдашь. С эдаким характером в карты играть невозможно! А монах - он наподобие галки: чье клюет - не знает, корни дела его не касаются, он зерном сыт, а не корнем. Всё это я тебе говорю от сердца, как вижу, что человек ты чужой делам нашим - кукушкино яичко в не ее гнезде...

Снял шапку - он это делал всегда, когда хотел сказать что-либо особенно значительное,- поглядел в серое небо и громко, покорно выговорил:

- Дела наши - воровские пред господом, и спасенья нам не буде от него...

- Это совсем верно,- отозвался Мокей Будырин, точно кларнет.

С той поры кудрявый, среброголовый Осип с ясными глазами и сумеречной душой стал мне приятно интересен, между нами зародилось нечто подобное дружбе, но я видел, что доброе отношение ко мне чем-то смущает его: при других он на меня не смотрит, васильковые зрачки светлы и пусты, они суетливо бегают, дрожат, и губы человека кривятся лживо, неприятно, когда он говорит мне:

- Эй, поглядывай в оба, оправдывай хлеб, а то вон - солдат гвозди жует, прорва...

А один на один со мною он говорит поучительно и ласково, в глазах его светится-играет умненькая усмешечка, и смотрят они голубыми лучами прямо в мои глаза. Слова этого человека я слушаю внимательно, как верные, честно взвешенные в душе, хотя иногда он говорит странно.

- Надо быть хорошим человеком,- сказал я однажды.

- А - конечно! - согласился он, но тотчас же, усмехнувшись, спрятал глаза, тихонько говоря: - Однако - как понимать хорошего человека? Я так думаю, что людям-то наплевать на хорошость, на праведность твою, ежели она - не к добру им; нет, ты окажи им внимание, ты всякому сердцу в ласку будь, побалууй людей,

Ледоход. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

потешь... может, когда-нибудь и тебе это хорошо обернется! Конечно - споров нету - очень приятное дело, будучи хорошим человеком, на свою харю в зеркало глядеть... Ну, а людям - я вижу - всё едино как: жулик ты али святой - только до них будь сердечней, до них добрее будь... Вот оно - что всем надо!..

Я очень внимательно присматриваюсь к людям, мне думается, что каждый человек должен возвести и возводит меня к познанию этой непонятной, запутанной, обидной жизни, и у меня есть свой беспокойный, неумолкающий вопрос:

"что такое человечья душа?"

Мне кажется, что иные души построены, как медные шары: укрепленные неподвижно в груди, они отражают все, что касается их, одной своей точкой, отражают неправильно, уродливо и скучно. Есть души плоские, как зеркала, это всё равно как будто нет их.

А в большинстве своем человечья души кажутся мне бесформенными, как облака, и мутно-пестрыми, точно лживый камень опал, - они всегда податливо изменяются, сообразно цвету того, что коснется их.

Я не знаю, не могу понять, какова душа благообразного Осипа, неуловима она умом.

Об этих делах я и думаю, глядя за реку, где город, прилепившийся на горе, поет колоколами всех колоколен, поднятых в небо, как белые трубы любимого мною органа в польском костеле. Кресты церквей - точно тусклые звезды, плененные сереньким небом, они - скучая - сверкают и дрожат, как бы стремясь вознестись в чистое небо за серым пологом изодранных ветром облаков; а облака бегут и стирают тенями пестрые краски города, - каждый раз, когда из глубоких голубых ям, между ними, упадут на город лучи солнца, обольют его веселыми красками, они тотчас, закрыв солнце, побегут быстрее, сырые тени их становятся тяжелее, и всё потускнеет, лишь минуту подразнив радостью.

Дома города - точно груды грязного снега, земля под ними черная, голая, и деревья садов - как бугры земли, тусклый блеск стекол в серых стенах зданий напоминает о зиме, и надо всем вокруг тихо стелется разымчивая грусть бледной северной весны.

Мишук Дятлов, молодой белобрысый парень, с заячьей губою, широкий, нескладный, пробует запеть:

Она пришла к нему поутру,

А он скончался в тую ночь...

- Эй, ты, курвин сын! - кричит на него солдат. - Али забыл, какой седни день?

Боев тоже сердится - грозит Дятлову кулаком и свистит:

- С-собачья душа!

- Народ у нас лесной, долголетний, жилистой, - говорит Осип Будирина, сидя верхом на вершине ледореза и прищуренным глазом измеряя откос. Выпусти конец бруса на вершок левой - так!.. А ежели просто сказать - дикой народ! Одна - едет алхирей, они - к нему, обкружили, пали на коленки, плачутся: загово-ри-де нам, преосвященное владыко, волков, одолели нас волки! Кэ-эк он их - "Ах, вы, говорит, православные христиане, а? Да я, говорит, всех вас строжайшему суду предаю!" Очень разгневался, плюет даже в морды им. Старенький такой был, личность добрая, глазки слезятся...

Сажены на двадцать ниже ледорезов матросы и босяки окалывают лед вокруг барж; хряско бьют пешни, разрушая рыхлую, серую корку реки, маячат в воздухе тонкие шесты багров, проталкивая под лед вырубленные куски его; плещет вода; с песчаного берега доносится говор ручьев. У нас шаркают рубанки, свистит пила, стучат топоры, загоняя железные скобы в желтое, гладко выструганное дерево, - и во все звуки втекает колокольный звон, смягченный расстоянием, волнуящий душу. Кажется, что серый день всю свою работу служит акафист весне, призывая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую...

Кто-то орет простуженным голосом:

- Немца-а позо-ови-и! Народу не хвата-ат...

С берега откликаются:

- Где он?

- В кабаке, гляди-и...

Голоса плывут в сыром воздухе тяжело, растекаются над широкой рекою уныло.

Работают торопливо, горячо, но плохо, кое-как; всех тянет в город, в баню и в церковь, особенно беспокоился Сашок Дятлов, такой же, как брат, белобрысый, точно в щелочке вареный, но - кудрявый, складный и ловкий. То и дело поглядывая вверх по течению, он тихонько говорит брату:

- Чу, будто трешшит?

Ночью была "подвижка" льда, речная полиция уже со вчерашнего утра не пускает на реку лошадей, по линейкам мостков, точно бусы, катятся редкие пешеходы, и слышно, как доски, прогибаясь, смачно шлепают по воде.

- Потрескивает, - говорит Мишук, мигая белыми ресницами.

Осип, глядя из-под ладони на реку, обрывает его:

- Это стружка в башке у тебя сохнет-скрипит! Работай, знай, ведьмин сын! Наблюдающий - погоняй их, что ты в книжку воткнулся?

Работы оставалось часа на два, уже весь горб ледореза обшит желтым, как масло, тесом, осталось только наложить толстые железные связи. Боев и Санявин вырезали гнезда для них, но - не угодили, вышло узко - полосы не входили в дерево.

- Мордва слепокурая, - кричал Осип, постукивая себя ладонью по шапке. Али это работа?

Вдруг, откуда-то с берега, невидимый голос радостно завыл:

- По-оше-ол... о-го-го-о!

И, как бы сопровождая этот вой, над рекою потек неторопливый шорох, тихий хруст; лапы сосновых вешек затрепетали, словно хватаясь за что-то в воздухе, и матросы, босяки, взмахивая баграми, шумно полезли по веревочным трапам на борта барж.

Было странно видеть, как много явилось на реке людей: они точно выпрыгнули из-под льда и теперь металась взад-вперед, как галки, вспугнутые выстрелом, прыгали, бежали, тащили доски и шесты, бросали их и снова хватали.

- Собирай струмент! - крикнул Осип. - Живо, так вашу... на берег.

- Вот те и светло Христово воскресенье! - горестно воскликнул Сашок.

Казалось, что река неподвижна, а город вздрогнул, покачнулся и вместе с горою под ним тихо всплывает вверх по реке. Серые песчаные осыпи, в десятке сажен перед нами, тоже зашевелились и потекли, отдаляясь от нас.

- Беги, - крикнул Осип, толкнув меня, - чего разинул рот?

Жуткое ощущение опасности ударило в сердце; ноги, почувствовав, что лед уходит из-под них, как-то сами собою вскинулись, понесли тело на песок, где торчали голые прутья ивняка, обломанные зимними вьюгами, - там уже валялись Боев, солдат, Будырин и оба Дятловы. Мордвин бежал рядом со мною и сердито ругался, а Осип - шагал сзади, покрикивая:

- Не лай, народец...

- Да ведь как же, дядя Осип...

- Так же всё, как было.
- Застряли мы тут суток на двое...
- И посидишь.
- А праздник?
- Без тебя отпразднуют в сем году...

Солдат, сидя на песке, раскуривал трубку и хрипел:

- Струсили... три пятка сажен места до берегу, а вы - бежать сломя голову...
- Ты первый побег, - сказал Мокей.

Но солдат продолжал:

- А чего испугались? Христос-батюшко и то помер...
- Чать, он воскрес опосля того, - обиженно пробормотал мордвин, а Боев заорал на него:
- Ты - молчи, щенок! Твое дело рассуждать про то? Воскрес! Седни пятница, а не воскресенье!

В голубой пропасти между облаков вспыхнуло мартовское солнце, лед засверкал, смеясь над нами. Осип поглядел из-под ладони на опустевшую реку и сказал:

- Встала... Только это - ненадолго...
- Отрезало нас от праздника, - угрюмо проговорил Сашок.

Безбородое, безусое лицо мо-рдвина, темное и угловатое, как неочищенная картофелина, сердито сморщилось, он часто мигал и ворчал:

- Сиди тут... Ни хлеба, ни денег... У людей - радость, а мы... Жадностям служим, как собаки всё одно...

Осип, не отводя глаз от реки и, видимо, думая о чем-то другом, говорит, словно сквозь сон:

- Тут вовсе не жадности, а - надобности! Быки-ледорезы - для чего? Охранять ото льда баржи и все такое. Лед - глупый, он навалится на караван, и - прощай имущество...
- А - наплевать... наше оно, что ли?
- Толкуй с дураком...
- Чинили бы раньше...

Солдат скорчил лицо в страшную гримасу и крикнул:

- Цыц, мордва народская!
- Встала, - повторил Осип. - М-да...

На караване орали матросы, а с реки веяло холодом и злою, подстерегающей тишиной. Узор вешек, раскинутый по льду, изменился, и всё казалось измененным, полным напряженного ожидания.

Кто-то из молодых парней спросил, тихонько и робко:

- Дядя Осип - как же?
- Чего? - дремотно отозвался он.

- Так нам и сидеть тут?

Боев, явно издеваясь, гнусаво заговорил:

- Отлучил господь вас, ёрников, от святого праздника своего, что-о?

Солдат поддержал товарища - вытянул руку с трубкой к реке и, посмеиваясь, бормотал:

- Охота в город? Идите! И лед пойдет. Авось утоп-нете, а то - в полицию возьмут... на праздник-то - хорошо!..

- Это совсем верно,- сказал Мокей.

Солнце спряталось, река потемнела, а город стало видно ясней молодежь уставилась на него сердитыми и грустными глазами и замолчала, замерла.

Мне было скучно и тяжело, как всегда бывает, когда видишь, что все вокруг тебя думают разное и нет единого желания, которое могло бы связать людей в целостную, упрямую силу. Хотелось уйти от них и шагать по льду одному.

Осип, точно вдруг проснувшись, встал на ноги, снял шапку и, перекрестясь на город, сказал очень просто, спокойно и властно:

- Ну-кошь, ребята, айда с богом...

- В город? - воскликнул Сашок, вскакивая.

Солдат, не двигаясь, уверенно заявил:

- Потонем!

- Тогда - оставайся.

И, оглянув всех, Осип крикнул:

- Ну, шевелись, живо!

Все поднялись, сбились в кучу; Боев, поправляя инструменты в пещере, занял:

- Сказано - иди, стало быть - надо идти! Кем приказано - того и ответ...

Осип словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла - он шагал твердо, уверенно.

- Каждый бери по доске и держи ее поперек себя - в случае - не дай бог - провалится кто,- концы доски на лед лягут - поддержка! И трещины переходить... Веревка - есть? Народец, дай-кошь мне ватерпас... Готовы? Ну - я вперед, а за мной - кто всех тяжелее? Ты, солдат! Потом - Мокей, мордвин, Боев, Мишук, Сашок,- Максимыч всех легче, он позади... Сымай шапки, молись богородице! Вот и солнышко-батюшко встречу нам...

Дружно обнажились лохматые, седые и русые головы, солнце глянуло на них сквозь тонкое белое облачко и спряталось, точно не желая возбуждать надежд.

- Айда! - сухо, новым голосом сказал Осип.- С богом! Глядите на ноги мне. Не напирай в спину, держись друг ко другу не ближе сажня, а чем дале то и лучше! Пошел, детки!

Сунув шапку за пазуху, держа в руке ватерпас, Осип, как-то осторожно и ласково шаркая ногами, сошел на лед и тотчас, за спиной у него, на берегу, раздался отчаянный крик:

- Ку-уда, бараны, ма-а...

- Шагай, не оглядывайся! - звонко командовал вожатый.

- Наза-ад, дьяво-олы...

- Айда, ребята, бога помня! В гости на праздник он нас не позовет...

Свистел полицейский свисток, а солдат громко ворчал:

- Во-от, ерои, так вашу... Затеяли дело! Теперь депеша будет дана тому берегу в полицию... Коли не утоп-нем - в часть, клопам нас... Я на себя ответ не беру...

Бодрый голос Осипа вел людей за собою, точно на веревке:

- Гляди под ноги зорче!..

Шли наискось, против течения, и мне, заднему, хорошо видно было, как маленький аккуратный Осип, с белой, точно у зайца, головою, ловко скользит по льду, почти не поднимая ног. За ним, гуськом, как бы нанизанные на невидимую нить, тянутся, покачиваясь, шесть темных фигур, иногда рядом с ними явятся тени их, лягут под ноги им и стелются по льду. Головы опущены, точно люди идут с горы и боятся упасть, оступившись.

Сзади кричат всё гуще - видимо, сбежался народ большою толпой, слов уже нельзя разобрать, слышен только неприятный гул.

Это осторожное шествие становится для меня механической, скучной работой; я привык ходить быстро и теперь погружаюсь в то полусонное настроение, когда душа как бы пустеет, перестаешь думать о себе, уходишь от себя и в то же время всё видишь особенно четко, слышишь особенно ясно. Под ногами синевато-серый, свинцовый лед. изъеденный водою, его рассеянный блеск ослепляет глаза. Кое-где лед лопнул, выгорбился, истерт движением в мелкие куски, лежит кучами, ноздреватый, как пемза, и острый, как битое стекло. Синие трещины, холодно улыбаясь, ловят ногу. Шлепают широкие подошвы, надоедно звучат голоса Боева и солдата, - оба они - как две дудочки в одних устах.

- я ответа не беру...

- Конечно, и я...

- Одному дозволено распоряжаться, а другой, может, в тыщу разов умнее...

- Разве умом живут у нас? У нас - глоткой живут все...

Осип заткнул полы полушубка за пояс, его ноги, в серых штанах солдатского сукна, шагают легко и гибко, точно пружины. Идет он так, как будто перед ним все время вертится кто-то, видимый только ему, вертится и мешает идти прямо, кратчайшим путем, а Осип борется с ним, стараясь обойти его, ускользнуть, подается вправо и влево, иногда круто поворачивает назад и так всё время танцует, описывая по льду петли и полукружия. Голос его звучит немолчно, певуче, и очень приятно слышать, как хорошо сливается он со звоном колоколов...

Уже подходили к середине четырехсотсаженной полосы льда, когда вверху реки зашуршало зловещим шорохом, в ту же минуту лед поплыл из-под ног у меня, я покачнулся и, не устояв, припал на колено, удивленный. Но тотчас же, как только я взглянул вверх по реке, испуг схватил меня за горло, лишил голоса, потемнил зрение - серая корка льда ожила, горбилась, на ровной поверхности вспухали острые углы, в воздухе растекался странный хруст точно кто-то тяжелою ногой шел по битому стеклу.

С тихим свистом около меня струилась вода, трещало дерево, взвизгивая, как живое, орали люди, сбиваясь кучей, и в глухом жутком гуле, размешивая его, звенел голос Осипа:

- Разойдись... расходишь - держись порознь, божьи дети... Пошла матушка, пошла-а! Веселей, ребятки! Вот - пошла-а...

Он прыгал, словно на него осы напали, и, держа саженный ватерпас, как ружье, тыкал им вокруг себя, точно сражаясь с кем-то, а мимо него, вздрагивая, плыл город. Лед подо мною заскрежетал, мелко ломаясь, на ноги мне хлынула вода, я

Ледоход. Максим Горький gorkiutaxim.ru
вскочил, слепо бросился к Осипу.

- Куда? - замахнувшись ватерпасом, крикнул он.- Стой, чёрт!

Показалось, что это не Осип,- лицо странно помолодело, всё знакомое стерлось с него, голубые глаза стали серыми, он словно вырос на пол-аршина. Прямой, как новый гвоздь, плотно сжав ноги, вытягиваясь вверх, он кричал, широко открыв рот:

- Не крутись, не сбивайся кучей - башки поразобью!

И снова замахнулся на меня ватерпасом.

Ты куда?

- Потонем,- тихонько сказал я.

- Цыц! Молчи...

Но, оглянув меня, он прибавил тише и мягче:

- Потонуть и дурак сумеет, а ты вот выберись... ты - вылезь!

И снова залился, закричал ободряющие слова, выгибая грудь, закинув голову.

Лед потрескивал и хрустел, неспешно ломаясь, нас медленно сносило мимо города; какая-то силища проснулась в земле и растягивает берег: часть его ниже нас - неподвижна, а та, что против, тихо отходит вверх пореке, и скоро земля разорвется.

Это жуткое, медленное движение лишало чувства связи с землей: всё уходило, щемя грудь тоской, ослабляя ноги. В небе тихо плыли красные облака, изломы льда, отражая их, тоже краснели, точно напрягаясь, чтобы достичь меня. Ожила вся огромная земля к весенним родам, потягивается, высоко вздымая лохматую влажную грудь, хрустят ее кости, и река, в мощном мясе земли,- словно жила, полная густой, кипучей крови.

Угнетало обидное ощущение своей малости и бессилия в этом уверенном, спокойном движении масс, а в душе,- на обиде,- растет, разгорается дерзкая человечья мечта: протянуть бы руку, властно положить ее на гору, на берег и сказать:

"Стой, пока я не дойду до тебя!.."

Грустно вздыхает гулкая медь колоколов, но - я помню, что через сутки, в ночь, они грянут весело, возвещая воскресение.

Дожить бы до этого звона!..

...Семь темных фигур качались в глазах, подпрыгивая на льду; они размахивали досками, точно гребли в воздухе, а впереди их вьюном вертится старичок, похожий на Николая Чудотворца, и немолчно звенит его властный голос:

- Не зева-ай!..

Река стала шероховатой, ее живой хребет вздрагивал и извивался под ногами, напоминая о ките из "Конька-Горбунка", и всё чаще из-под чешуи льда выплескивалось жидкое тело реки - мутная холодная вода, жадно облизывая ноги людей.

Люди шли по узкой жердочке над глубоким оврагом. Тихий, зовущий плеск воды вызывал представление о бездонной глубине, о том, как бесконечно долго будет опускаться тело в эту холодную, тесную массу, как ослепнешь в ней и замрет сердце. Вспоминались утопленники, осклизлые черепа, вздутые лица со стеклянными, выпученными глазами, растопыренные пальцы вспухших рук, отмокшая на ладонях кожа, точно тряпка...

Первым провалился под лед Мокей Будырин; он шел впереди мордвина, как всегда молчаливый, отсутствующий, шел спокойнее всех и вдруг - точно его дернули за ноги - исчез, на льду осталась только его голова и руки, вцепившиеся в доску.

- Помога-ай! - завыл Осип - Не толпись все, один, двое помоги!

А Мокей, отфыркиваясь, говорил мордвину и мне:

- Отойдите, парни... я сам... ничего...

Выбрался на лед и, отряхаясь, сказал:

- Пострели те горой, эдак-то, гляди, и в сам-деле потопнешь...

Теперь, щелкая зубами и облизывая большим языком мокрые усы, он особенно стал похож на большого, смиренного пса.

Мимолетно вспомнилось, как он, месяц тому назад, отсек себе топором напрочь сустав большого пальца левой руки - поднял бледный обрубок с посиневшим ногтем и, разглядывая его темным взглядом непонятных глаз, виновато, тихонько говорил:

- Скольки разов я его, чудашку, портил, прямо - счету нет!.. Вывихнут он у меня, неправильно действовал... Теперь - схороню...

Тщательно завернул обрубок в стружку, положил в карман и тогда уже перевязал пораненную руку.

За ним выкупался Боев - казалось, он сам нырнул под лед и тотчас закричал неистово:

- А, б-батушки, тону, смертынька, братцыньки, дайте помощь...

Он так бился в судорогах страха, что вытащили его с трудом и в хлопотах около него едва не погиб мордвин, окунувшись с головою в воду

- Вот попал бы к чертям ко всенощной, - выбравшись на лед и сконфуженно усмехаясь, сказал он, теперь еще более тонкий и угловатый.

Через минуту снова провалился и завизжал Боев

- Не ори, Яшка, козлиная душа! - кричал Осип, грозя ему ватерпасом. Нашто пугаешь людей? Я те задам! Распояшься, ребята, карманы вывороти, ловчей будет...

На каждом десятке шагов открывались, хрустя и брызгая мутной слюною, зубастые челюсти, синие острые зубы хватали ноги: казалось, река хочет всосать в себя людей, как змея всасывает лягушат. Намокшая обувь и одежда, мешая прыгать, тянули книзу; все стало скользкими, точно облизанные, неуклюжими и немymi, двигались тяжело, медленно и покорно.

Но Осип словно заранее сосчитал трещины во льду и такой же мокрый, как все, скакал зайцем со льдины на льдину; перескочит, остановится на секунду и, осматриваясь, звонко кричит:

- Гляди, как надо, эй!

Он играл с рекою: она его ловила, а он, маленький, увертывался, умея легко обмануть ее движения, обойти неожиданные западни. Казалось даже, что это он управляет ходом льда, подгоняя под ноги нам большие, прочные льдины.

- Не падай духом, божьи детки, э-эй!

- Ай да дядя Осип! - тихо восторгался мордвин. - Ну - человек!.. Это действительно - человек...

Чем ближе к берегу, тем более измельчен, истерт лед и всё чаще проваливались люди. Город уже почти проплыл мимо, скоро нас вынесет на Волгу, а там лед еще не тронулся и нас подтянет под него.

- Пожалуй - потонем, - тихонько сказал мордвин, поглядывая налево в синюю муть вечера.

Но вдруг – точно пожалев нас – огромная чка уперлась концом в берег, полезла на него, ломаясь, хрустя, и встала

- Беги-и! – яростно закричал Осип.- Валяй во всю мочь!..

Прыгнул на чку, поскользнулся, упал и, сидя на краю льдины, заплескиваемый водой, пропустил всех мимо себя – пятеро убежали на берег, толкаясь, обгоняя друг друга. Мордвин и я остановились, желая помочь Осипу.

- Бегите, щенки свинячьи, ну!..

Лицо у него было синее и дрожало, глаза погасли, рот странно открылся.

- Вставай, дядя...

Он опустил голову.

- Ногу я сломил будто... не встать...

Мы подняли его, понесли, а он, закинув руки на шею нам, ворчал, щелкая зубами:

- Утопнете, лешманы... ну, слава те богу, не попустил, батюшко... Смотрите – троих не сдержит, шагай осторожно! Выбирай, где лед снегом не покрыт, там он тверже... бросить бы вам меня!..

Заглянул прищуренным глазом в лицо мне и спросил:

- А книжка-то грехов наших, поди, вовсе размокла у тебя, пропала, а?

Когда мы сошли с куска льдины, навалившегося на берег, раздавив в щепы какую-то барку, вся часть льда, лежавшая в воде, хрустнула и, покачиваясь, захлебываясь, поплыла.

- Ишь ты,- одобрительно сказал мордвин,- поняла дело!

Мокрые, иззябшие и веселые, мы на берегу, в толпе слободских мещан; Боев и солдат уже ругаются с ними, мы кладем Осипа на какие-то бревна, он весело кричит:

- Ребя, а книжка-то решилась, размокла ведь...

Эта книжка – точно кирпич за пазухой у меня; незаметно вынув, я швыряю ее далеко в реку, и она шлепается о темную воду, как лягушка.

Дятловы помчались в гору – в кабак за водкой, бегут, колотят друг друга кулаками и орут:

- Р-ря!

- Их ты-и!..

Высокий старик с бородою апостола и глазами вора убежденно говорит над моим ухом:

- А за то, что вы взбулгачили народ мирный, надо бы вас, анафемов, по мордам...

Боев, переобуваясь, кричит:

- Чем мы вас потревожили?

- Христиане тонут,- ворчит солдат, еще более охрипший,- а вы что делали?

- А что нам делать?

Осип лежит на земле, вытянув ногу, и, щупая полушубок дрожащими руками, жалуется тихонько:

- Ах, мать честная, как измочился... Спорчена одежда на нет... а – года не

носил!..

Стал он маленький, сморщился и словно тает, лежа на земле, становясь всё меньше.

Вдруг, приподнявшись, он сел, охнул и злым, высоким голосом заговорил:

- Понесли вас беси, дураков,- в баню, в церковь, вишь ты! Чертогоны!.. Туда же... Не проживет бог без вас свой праздник... На смерть наткнулись было... одежду всю спортили, чтоб вас рОзорвало...

Все переобувались, отжимали одежду, устало сопя, охая, переругиваясь с мещанами, а он кричал всё горячее:

- На-ко, что удумали, окаянные! Баня им надобна... вот,- полицию бы, она бы вам показала баню...

Кто-то из мещан услужливо сказал:

- За полицией послано...

- Ты - что? - закричал Боев Осипу.- Ты зачем притворяешься?

- Я?

- Ты!

- Стой! Это как же?

- Кто подбил народ, чтоб идти, а?

- Кто?

- Ты!

- Я?

Осип задергался, точно в судороге, и сорвавшимся голосом повторил:

- Я-а?

- Это совсем верно,- спокойно и внятно сказал Бу-дырин.

Мордвин тоже подтвердил, тихонько, печально:

- Ей-богу, ты, дядя Осип!.. Ты забыл...

- Конечно, ты заводчик делу,- угрюмо и веско крикнул солдат.

- За-абыл он! - яростно кричал Боев.- Как же, забыл! Нет, это он пробует, нельзя ли свою вину на чужую шею хомутом одеть, знаем мы!

Осип замолчал и, прищуriv глаза, оглядел мокрых, полуодетых людей...

Потом, странно всхлипнув - смеясь или плача - дергая плечами и разводя руки, стал бормотать:

- А ведь - верно... и впрямь - моя затея-то... скажи на милость!

- То-то! - победоносно крикнул солдат.

Глядя на реку, кипевшую, как просяная каша, Осип, сморщив лицо и виновато спрятав глаза, продолжал:

- Прямо - затмение... ах ты, батюшки! И как не утонули? даже понять нельзя... Фу ты, господи!.. Ребята... вы - того... не сердитесь, праздника ради... простите уж!.. Помутилось в уме у меня, что ли-то... Верно: я подбил... экой старый дурак...

- Ага? - сказал Боев.- А как бы я - утоп, чего бы ты говорил?

Мне казалось, что Осип искренно поражен ненужностью и безумием сделанного им,- скользкий, точно облизанный, напоминая новорожденного теленка, он сидел на земле, покачивая головою, шаря руками по песку вокруг себя, и не своим голосом всё бормотал покаянные слова, ни на кого не глядя.

Я смотрел на него, думая - где же тот воевода-человек, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вел их за собою?

В душу наливалась неприятная пустота, я подсел к Осипу и, желая что-то сохранить, тихо сказал ему:

- Будет тебе...

Он искоса взглянул на меня и, распутывая бороду пальцами, так же тихо молвил:

- Видал? То-то вот...

И снова заворчал громко, для всех:

- Какая штука - а?

...На вершине горы, на фоне уже потемневшего неба, стоит черная щетина деревьев, гора прилегла к берегу, точно большой зверь. Появились синие тени вечера, они выглядывали из-за крыш домов, прижавшихся к темной коже горы, точно болячки, смотрели из рыжей, влажной пасти глинистого оврага, широко разинутой на реку,- чудилось, будто она тянется к воде, чтобы выпить ее.

Река потемнела, шорох и скрежет льда стал глуше, ровнее; иногда льдина тыкалась краем в берег, как свинья рылом, минуту стояла неподвижно, покачнувшись, отрывалась, плыла дальше, а на место ее лениво вползала другая.

Быстро прибывала вода, заплескивая землю, смывая грязь,- грязь расходилась темным дымом по мутно-синей воде. В воздухе стоял странный звук - хрустело и чавкало, точно огромное животное, пожирая что-то, облизывалось длинным языком.

Из города плыл приглушенный расстоянием сладкозвучно-грустный колокольный звон.

С горы, как два веселых щенка, катились Дятловы, с бутылками в руках, а наперерез им - вдоль берега - шел серый околодочный и двое черных полицейских.

- Ах ты, господи! - стонал Осип, тихонько погла-живая колено.

Мещане, завидя полицию, раздвинулись шире, выжидая примолкли, а околодочный - сухонький человечек с маленьким лицом и рыжими усами в стрелку - подошел к нам, строго говоря сиповатым, деланным баском:

- Это вы, дьяволы...

Осип опрокинулся спиной на землю и торопливо заговорил.

- Это - я, ваше благородие, я всему затейщик! Простите, праздников великих ради, ваше благородие...

- Как же ты, старый чёрт,- закричал околодочный, но крик его пропал, потонул в быстром потоке умильных, ласковых слов.

- Квартера у нас здесь, в городе; на том берегу ничего нам нет, и денег нет у нас на хлеб, а после завтра, ваше благородие, велик Христов день,- в баньку надобно, на церковную службу хочется, как мы христиане, ну - я и говорю "Айдайте, ребята, что бог даст, не по худому делу пойдем" И за продерзость наказан я, вот - ноженьку разбил вовсе...

- Да! - сурово крикнул околодочный.- Ну, а если б вы утопи - что тогда было бы?

Осип глубоко и устало передохнул:

Ледоход. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Что же было бы, ваше благородие? Ничего бы, чать, не было, извините...

Полицейский ругался; все слушали его молча и внимательно, точно человек не матерей оскорблял грязно и цинично, а говорил важные слова, которые всем необходимо знать и помнить

Потом, переписав наши имена, он ушел; мы, распив жгучую водку, согретые и прибодренные, стали собираться домой - Осип, усмехаясь, поглядел вслед полиции и вдруг, легко поднявшись на ноги, истово перекрестился.

- Вот и конец всему, слава тебе господи!..

- Стало быть, - изумленно и разочарованно загнул Боев, - стало быть, нога-то - цела? Не сломал, значит?

- А тебе надо, чтобы сломать?

- Ах, - комедьян! Петрушка ты несчастный!..

- Пошли, ребята! - скомандовал Осип, натягивая на голову мокрую шапку.

...Я шел рядом с ним сзади всех; он говорил мне тихонько, ласково и как бы сообщая одному ему известную тайну:

- И что ни делай, как ни кружись, ну - без хитрости, без обману никак нельзя прожить, такая жизнь, такая она есть, пострели ее в душу... Ты бы на гору, а чёрт за ногу...

Темно, и во тьме вспыхивают красные, желтые огни, как бы говоря:

"Сюда идите!.."

Идем встречу звону на гору, журчат ручьи, сбегая под ноги нам, и ласковый голос Осипа утопает в их шуме:

- Ловко я полицию-то обошел! Вот как надобно дела делать - чтобы никто ничего не понял, а каждому чудилось, будто он и есть - главная пружина, да... Пускай каждый думает, будто его душа - дело совершила...

Я слушаю его речь и - плохо понимаю ее.

Да мне и не хочется понимать, в душе у меня просто и легко; я не знаю - нравится мне Осип или нет, но готов идти рядом с ним всюду, куда надобно, - хоть бы снова через реку, по льду, ускользящему из-под ног.

Гудят, поют колокола, и радостно думается:

"Еще сколько раз я встречу весну!.."

Осип говорит, вздыхая:

- А душа человечья - крылата, - во сне она летает...

Крылата? Чудесно!..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!